

Перед лицом
глобальных угроз

2–3

XIII Покровские
общественные чтения

4–5

«Человек без веры
мне не интересен»

6–7

«Прощания
с Россией не будет»

8

XXIV ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СОБОР

25 октября 2022 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил пленарное заседание XXIV всемирного русского народного Собора на тему «Православие и мир в XXI веке».

В президиуме Собора также присутствовали заместители главы Всемирного русского народного собора – управляющий делами Московской Патриархии митрополит Воскресенский Дионисий, первый заместитель председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, первый проректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова доктор политических наук А.В. Щипков, председатель общества «Царьград» К.В. Малофеев.

В работе Собора приняли участие иерархи и священнослужители Русской Православной Церкви, представители государственной власти, руководители фракций политических партий и депутаты Государственной Думы Российской Федерации, члены Бюро Президиума Всемирного русского народного собора, высшее духовенство традиционных религий, деятели науки, образования и культуры, представители обществственности.

Глава ВРНС Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл объявил XXIV Всемирный русский народный собор открытым, прозвучал гимн Российской Федера-

ции, после чего Святейший Владыка выступил с основным докладом.

Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина огласил первый заместитель руководителя Администрации Президента России С.В. Кириенко.

«Сегодня, когда мы сталкиваемся с серьезными вызовами, вопросы консолидации нашего народа вокруг важных, масштабных задач укрепления духовного, культурного, экономического суверенитета приобретают особое, судьбоносное значение. В этой связи отмечу тот огромный, колоссальный вклад, который вносит в единение общества, в сбережение духовно-нравственных, семейных идеалов и ценностей, сохранение нашей исторической памяти и идентичности, воспитание молодежи Русская Православная Церковь, представители всех традиционных религий России, и конечно, патриотические организации – такие как Всемирный русский народный собор.

Знаю, что многие из вас поддерживают наших воинов, участвуют в специальной военной операции, оказывают бескорыстную помощь жителям Донбасса, Херсонской и Запорожской областей, делом доказывают, что только сплоченный, объединенный общими целями народ способен достойно отвечать на беспрецедентное внешнее давление. Добиваться всех поставленных стратегических целей.

Уверен, что ваш форум пройдет в атмосфере взаимопонимания, а выдвинутые вами инициативы в сфере развития образо-

вания, демографии, сбережения нашего народа обязательно будут востребованы», – отмечается в обращении Главы государства.

Особенно же это важно сегодня, когда, как акцентировал внимание в своем выступлении С.В. Кириенко «идет беспрецедентная информационная и психологическая война. И целью этой войны, конечно, является разрушение суверенитета, идентичности, в идеале – расчленение страны... Нельзя отсидеться в стороне – подождать, пока все пройдет, нормализуется. Само не нормализуется... это – цивилизационное противостояние. Нас пробуют лишить самой основы, традиции и национальной идентичности... И мы должны точно понимать, что сегодня на Артемовском, Краснолиманском, Николаевском, Криворожском или Херсонском направлениях – на поле боя – идет сражение за всех русских людей. Идет сражение за наше Отечество, за наш Русский мир».

Приветствие председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина зачитал министр просвещения Российской Федерации С.С. Кравцов.

«XXI век – это время глобальных вызовов, мир столкнулся с проблемами демографии, опасными эпидемиями, климатическим изменением, враждой и насилием, утратой нравственных ценностей.

В нашей стране во все времена Русская Православная Церковь является одной из главных духовных опор, вселяет в сердца людей веру и надежду, помогает справ-

ляться с тяжелыми испытаниями, способствует сохранению духовно-нравственных ценностей, патриотическому воспитанию молодежи», – подчеркнул в своем обращении М.В. Мишустин. По его словам, благодаря совместной деятельности государства и Церкви реализуется множество важных инициатив, просветительских программ и благотворительных проектов.

Были оглашены также приветствия председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, мэра Москвы С.С. Собянина.

К участникам заседания обратился заместитель председателя Государственной Думы Российской Федерации, председатель Межфракционной рабочей группы Государственной Думы по защите христианских ценностей, сопредседатель Московского отделения Всемирного русского народного собора П.О. Толстой. Он приветствовал собравшихся от лица председателя Государственной Думы В.В. Володина и депутатов Государственной Думы.

Заместитель главы ВРНС митрополит Воскресенский Дионисий огласил проект Соборного слова XXIV Всемирного русского народного собора.

В завершение заседания Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к участникам форума с заключительным словом и объявил очередной Собор закрытым.

ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на пленарном заседании XXIV Всемирного русского народного собора на тему «Православие и мир в XXI веке».

Для каждого верного чада Русской Церкви соотношение терминов «Православие» и «мир» наполнено значимым богословским содержанием. Для нас Православие неразрывно связано с двухтысячелетним восточнохристианским духовно-культурным наследием. Ведь эта традиция непосредственно восходит к Самому Господу Иисусу Христу и отражена в Священном Писании и в совокупности действий Божественного Духа, явленных в мире при человеческом участии. Все это мы называем Божественным Преданием, Божественной Традицией, ибо само латинское слово «традиция» буквально и означает «передавать, вручать, завещать». Традиция – это действительно способ передачи от поколения к поколению. Традиция передает ценность. Вот почему удар по традиции – это всегда удар по самобытности, по ценностям народа. **Почему Церковь ориентирует свою проповедь на сохранение традиций? Потому что она несет ответственность пред Богом и пред историей за хранение ценностей, которые необходимы для жизни и развития народа.**

В соответствии с текстом Священного Писания мы исповедуем неизменность Бога, «у Которого нет изменения и ни тени перемены». Это вполне согласуется с верованием и иных монотеистических религий, представители которых тут присутствуют и которым я хотел бы выразить свое уважение. Бог всегда верен Своим обетованиям и ждет от человека того же. Конечно, отношения Творца и мира – тема непростая уже потому, что не может человек судить о путях Божиих. Однако прежде **необходимо честно ответить на вопрос, насколько человечество готово сегодня внимать Божественному гласу и следовать призыву Создателя, насколько оно готово воспринимать Божественную волю в качестве определяющего ориентира в своих действиях.**

И здесь, конечно, возникает много вопросов и много сомнений. С сожалением приходится признать, что в XXI веке человечество не обнаруживает особой готовности к следованию по «пути жизни», предложенному Создателем: **«Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое».** Ныне перед лицом глобальной опасности ядерной катастрофы эти слова вновь звучат с особой напряженностью и особой силой.

Показательно, что все это происходит на фоне с одной стороны постоянного умножения технических возможностей человека, с другой – возрастания старых и возникновение новых опасностей. Перечислю лишь некоторые из них. Это истощение природных ресурсов и загрязнение среды обитания, возникновение новых инфекций, погружение значительной части наших современников в виртуальный мир и связанный с этим отрыв от реальности, оттачивание изощренных способов манипуляции как личным, так и массовым сознанием, создание систем, могущих обеспечить тотальный контроль над человеком и наиболее остро ощущаемое нами сегодня умножение вооруженных столкновений и конфликтов на Земле.

Особенно хотел бы обратить ваше внимание на вызовы, которые не следует рассматривать как побочные следствия технологического развития, подобные перечисленным выше. **Эти новые вызовы сами по себе являются плодами целенаправленного воздействия на человеческую природу и человеческую личность. Я имею в виду проблематику, обозначаемую общим термином «трансгуманизм».** По сути, это радикально новое учение, предлагающее и, я бы даже сказал, агрессивно продавливающее принципиально иной взгляд на человека и отрицающее те антропологические представления, которые существовали на протяжении тысячелетий.

Уже с позиций технологического прогресса это учение с новой силой задает нам старый вопрос: что есть человек? Мы встречаем

этот вопрос в библейском тексте. И там он имеет продолжение, гармонично включающее его в общую религиозную концепцию бытия мира и Бога как его начала. Именно поэтому в тексте Библии внутри самого вопроса заложен и ответ. Даже сам вопрос обращен к Источнику бытия: *«Господи! что́ есть человек, что Ты знаешь о нем, и сын человеческий, что обращаешь на него внимание?»*

Непосредственно из самой формулировки следует, что человек настолько важен для Создателя, что Тот непрестанно помнит о нем и заботится. Более того, библейское Откровение указывает нам, что по замыслу Творца человек возвышается над всем творением, поскольку создан *«по образу»* и *«по подобию»* Божию.

Все, о чем я сейчас говорю, относится к области религиозной. Однако современный человек вынужден жить в мире, который принято именовать секулярным. **В секулярном мире в большинстве случаев религиозные представления настойчиво вытесняются на периферию жизни, что зачастую приводит к конфликту различных форм мировосприятия: личных духовных убеждений и навязываемого извне секулярного подхода.**

Для того чтобы понимать, как отстаивать значение непреходящих духовных ценностей перед лицом секулярного нерелигиозного мира, необходимо отчетливо осознавать природу и истоки этой идеологии.

Идея создания секулярного общества составляет один из важнейших базовых принципов новой западноевропейской и вообще западной культуры. **Форматирование социума по секулярному образцу, по сути, означает изгнание религии из общественного пространства и помещение ее в «гетто».** Таким образом, религиозным институтам и общинам верующих, состоящим из граждан, наделенных такими же правами, как и их нерелигиозно настроенные соотечественники, отказывается в учете их религиозных позиций при принятии важных для всех решений. Если назвать вещи своими именами, то следует сказать, что в мировоззренческом отношении людям предлагается атеистический подход к миру и человеку, включающий атеистическую этику и во многом основанные на этой этике нормы общественного поведения. Сегодня избегают термина «атеизм», потому что он скомпрометирован в советское время коммунистической идеологией, но на самом деле речь идет именно об атеизме. Логическим следствием становится запрет и на индивидуальное проявление религиозности в западном обществе.

При этом принято различать два схожих термина, происходящих от одного корня: «секуляризация» как процесс распространения идей светскости в самом широком смысле слова, и «секуляризм» – идеологический инструмент, с помощью которого заинтересованные силы распространяют указанное мировоззрение.

Секулярные идеи стали особенно активно развиваться в Новое время. В этот период в Европе происходили радикальные экономические изменения. Создавалось общество нового типа, экономика которого была ориентирована на создание условий для возрастающего потребления материальных благ.

Это время было отмечено также попытками создания жизненного пространства, социальной среды, чуждой каких бы то ни было религиозных влияний. Доведенный до своего логического конца, замысел должен был привести к выводу религии за пределы общества. **По опыту мы знаем, что религия в секулярном обществе преподносилась как атрибут отсталости, мешающий прогрессу, из этого делались выводы о необходимости преодоления ее как «пережитка» прошлого, и особенно ярко это проявилось в коммунистической идеологии и практике.**

Кроме того, другим способом противостояния религии была попытка отвести ей как можно более скромное место в сфере субъективных психологических переживаний каждого отдельного человека. Наивные, на первый взгляд, рассуждения, которые и сегодня часто приходится слышать, о том, что «вера в Бога должна быть в душе», есть не что иное, как плоды секулярной идеи, возросшие на почве стремления изъять религию из общественной жизни: веруй, если хочешь, в кого угодно и как угодно, но вне

важнейшие сакральные символы и оскорбляющим чувства верующих. Мы все с вами помним акты вандализма, совершавшиеся над религиозными символами под прикрытием требований свободы искусства.

Другой способ подавления религиозного сознания – это стремление поместить религию в «прокрустово ложе» жестких требований секулярного общества, требующего отказа от следования богоустановленным моральным нормам и открытого свидетельства об Истине. Взамен предлагается предоставление легального статуса в социуме. Фактически это означает, что **секуляризация на определенном этапе заставляет общество признать грех добродетелью и стремится сделать религиозные общины соучастниками этого нравственного преступления. Нет понятия греха – есть понятие «вариантность человеческого поведения». Есть понятие «соблюдение или несоблюдение закона», но понятие греха в секулярном сознании отсутствует.** Примеров тому сегодня, к сожалению, множество. Достаточно вспомнить факты признания брачного статуса за гомосексуальными парами, введение в систему медицины практики эвтаназии, содержащие неоправданный риск и непредсказуемые последствия эксперименты с генетическими материалами. Наша общая задача – противостоять подобным явлениям.

Будущее человечества напрямую зависит от того, что оно выберет: традиционные ценности и духовный опыт множества поколений, отраженный в культурной матрице, или же секулярный универсализм Нового времени, основанный на потакании человеческим страстям.

Нашей стране довелось пережить тяжелый период атеистических гонений. В XX веке подвиги мученичества и исповедничества за веру совершались на фоне массового распространения и методичного внедрения в сознание людей радикальных секулярных идей. С высоты минувших десятилетий особенно ярко видится трагизм отпадения человека от своего высокого призвания и отказа от традиционных норм морали, происходивший на фоне роста секуляристских тенденций в обществе, принимавших иногда формы откровенного богоборчества.

Искренне убежден, что одна из важнейших задач, стоящих сегодня перед нами, – не допустить повторения подобного безумия атеистических репрессий против проявлений религиозной веры и религиозной практики. Именно поэтому **никакие ссылки на светский характер государства не могут быть разумным аргументом для продвижения идей секулярного экстремизма, для ограничения прав и свобод верующих людей и религиозных общин, для создания искусственного средоточия между религиозными институтами и обществом.**

Еще одной важной вехой середины XX века в развитии секулярной идеологии в мировом масштабе стало появление так называемой теории секуляризации. Суть ее может быть выражена тезисом о постепенном угасании религиозности во всяком обществе по мере продвижения его по пути демократических преобразований, а также модернизации социальных, экономических и политических институтов и научного прогресса.

Однако в начале XXI века неожиданно обнаружилось нечто совершенно противоположное.

Во-первых, выяснилось, что миграционные процессы в Западной Европе приводят к тому, что религиозные модели общественного устройства экспортируются в страны европейской культуры, где значение религиозных институтов в последние столетия снижалось. Таким образом, несмотря на активно происходящие в этих государствах модернизационные процессы, удельный вес религий здесь возрастает и этот факт не может быть безразличен для религиозной жизни европейцев. Храмы превращаются в мечети, храмы пустеют, а люди, приехавшие из «Третьего мира» в Европу, активно развивают свою религиозную жизнь. Разве это не вызов для европейцев, европейской культуры и, в конце концов, разве это не вызов европейскому секуляризму?

Во-вторых, в условиях распространения в современном мире либеральных идей, призывающих к пересмотру традиционных нравственных ценностей, для значительного числа людей по-прежнему остаются востребованными механизмы сохранения своей культурной самобытности и обращения к традиции. А поскольку религия имеет в этом вопросе ключевое значение, то создаются предпосылки для того, чтобы религия могла бы стать вновь востребована. Полагаю, что пример России – современного государства с развитой наукой, техникой и образованием, возглавляемого Президентом, открыто свидетельствующим о своей вере, заставляет многих и на Западе задать вопрос: «А почему у нас не так?»

Духовная борьба продолжается, и в качестве новой меры противодействия возрождению религиозности секуляризм сегодня не использует прямую атеистическую риторику. Христианам предлагается реформировать вероучительные или этические положения, несовместимые с секулярными либеральными позициями, приспособить их для оправдания текущих политико-идеологических проектов. Например, для организации управляемых протестов или для продвижения антропологических экспериментов, направленных на искажение семейных отношений, на контроль рождаемости, трансгуманистическое вмешательство в природу человека и так далее. О последнем мне хотелось бы сказать особо.

Трансгуманизм – это идеология радикального изменения человеческой природы, предполагающая достижение актуального бессмертия, перенесение человеческого сознания за пределы биологического тела, на иную материальную платформу. Звучит как фантастика, но это учение опасно и неприемлемо, потому что нацеливает общество на создание суррогата человека, способного, в конечном счете, полностью подменить собой подлинного человека. При этом сама связь этого техногенного андроида со своим прообразом условна. По сути, эта идеология подталкивает к системной замене человеческой личности искусственным интеллектом. Мы в самом начале пути, но путь уже начался.

Нам следует помнить, что вопрос о природе человека и его личности – это вопрос совершенно не технического. Это проблема глобального мировоззренческого порядка, игнорировать которую было бы в высшей степени опасно.

В Новейшее время процесс секуляризации оказался взаимосвязан с другим, не менее значимым для жизни всего человечества процессом – глобализацией. Мы привыкли понимать под этим термином внешнюю унификацию моделей жизни разных стран и народов по западному образцу. Она стала для нас синонимом «вестернизации», но в действительности этот процесс более сложный.

Главной движущей силой глобализации являются рыночные механизмы, в его основе лежат прежде всего экономические причины. При этом глобальные экономические интересы получают поддержку и защиту при помощи военных, политических, культурных и иных возможных ресурсов.

Подобно тому как мы говорили о секуляризации и секулярности, следует развести понятия глобализации и глобализма. Глобализация – это процесс формирования современного упорядоченного по определенным универсальным стандартам мира. А глобализм – это идеология, которая обосновывает и вдохновляет данный процесс.

Для идеологов глобализации весь мир предстает ареной для приобретения денег, единым рынком, функционирующим в рамках общих правил. Следствием этого является, в частности, активное использование экономически развитыми, обеспеченными странами ресурсов бедных стран. Во многих случаях это не только природные, но и интеллектуальные ресурсы: привлечение высококвалифицированных специалистов укрепляет научно-техническое (а значит и экономическое, и политическое) лидерство богатых стран. Центр же продает в страны периферии готовые высокотехнологичные товары и стремится сохранить свою монополию на технологии их производства, дабы не лишиться прибыли и глобальной доминирования. Таким образом, глобализация неизбежно становится источником роста доходов одних и снижения уровня жизни других и, в

конце концов, еще большего расслоения народов, еще большей дистанции между богатыми и бедными.

Аналогичный процесс происходит и в сфере культуры. Глобалистская трансформация культурного пространства тоже тесно связана с рыночными процессами, поскольку продукты массовой культуры (кинематограф, музыка, компьютерные игры, мода) в современном мире производятся, экспортируются и сбываются по тем же правилам, что и прочие высокотехнологичные товары. И источник происхождения этого всего – тот же самый. **Глобализация не делает мир более сплоченным. Внешняя унификация образа жизни на разных частях земного шара сопровождается отчуждением людей друг от друга, распадом общин, семей, пандемией одиночества.**

Глобализация зачастую оказывает негативное воздействие и на духовную жизнь общества, поскольку она разрушает многовековые культурные устои и стремится нивелировать роль традиционных нравственных принципов в жизни общества, однако полноценной замены этим нравственным принципам никто предложить не может.

Традиционные институты, в том числе религиозные, пытающиеся встроиться в глобализационный процесс, «адаптироваться» под новую реальность в надежде сохраниться или получить выгоду для себя, рано или поздно сталкиваются с угрозой потери собственной идентичности, что мы и наблюдаем на примере некоторых конфессий, когда-то бывших традиционными для Запада.

В последнее десятилетие мировая финансовая и политическая системы испытывают серьезные перегрузки, появились очевидные

предпосылки к сокращению темпов продвижения глобалистского проекта. В настоящее время в научном и публичном пространстве активно обсуждается проблема «пределов глобализации». Это вовсе не случайно. Происходит ослабление роли ведущих глобальных организаций, ориентированных на доминирование западных стран. Вместе с тем укрепляется роль альтернативных религиозных, политических и экономических проектов, продолжается развитие двустороннего сотрудничества между странами. Глобализованный мир, называемый также однополярным, в последнее время наблюдает обратный процесс в своем развитии. Все ярче и отчетливее проявляются тенденции к многополярности и многовекторности.

Эти ориентиры требуют изучения и осмысления. Глобализм нужно рассматривать не только с экономической или геополитической точки зрения, но и с духовной, почему мы сегодня об этом и говорим. Можно сказать, что глобализм является проектом мирового всеединства, но без учета подлинного замысла Творца о человеке. А с точки зрения христианской эсхатологии мы знаем, что означает глобальный универсализм, и знаем, что без этого глобального универсализма не появится некто, кто будет претендовать на глобальную власть и с именем которого будет связан конец света.

Глобализм организует интеграционные, объединительные процессы через ослабление и разрыв глубоких духовных связей между людьми, а также между

Богом и человеком. Глобализм – это нерелигиозная доктрина, в ней нет места Богу. Именно поэтому все глобалистские проекты направлены против института семьи как прочной структуры, сохраняющей и передающей традицию. Глобализм не может развиваться в условиях доминирования традиционного мышления, вообще в условиях высокой роли традиции в жизни народов. Также глобализм направлен против любых крупных устойчивых исторических общностей, в первую очередь национальных и религиозных. Поэтому неудивительно, что в настоящее время в качестве глобалистского инструмента широко используется борьба всевозможных меньшинств (как правило, отрицающих традиционные ценности) против большинства. И обратите внимание, как нарушается демократический принцип! Ведь он основан на том, что большинство обретает власть через свободное волеизъявление и осуществляет эту власть от имени большинства, но в данном случае большинство не имеет поддержки со стороны институтов, в том числе пропагандистских, которые работают на поддержку философии и системы ценностей меньшинств.

Церковь, в силу своей природы, является помехой глобалистским процессам. Церковь свидетельствует о вертикальной шкале ценностей, о различии добра и зла. В связи с этим не ослабевают попытки исказить и размыть христианское учение, лишить Церковь силы и голоса: например, через разработку различных новых «теологических концепций», которые бы обслуживали глобальные проекты, оправдывая, в частности, человеческие пороки, и мы с этим уже сталкиваемся на примерах радикальной протестантской теологии.

нашей страны, народа, а в глобальном плане, думаю, и будущее человеческой цивилизации. Потому что даже победа над глобализмом в отдельно взятой стране не будет иметь существенного значения для всего мира, хотя и будет важной.

Другими словами, *«наша борьба не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы века всего, духов злыбы поднебесных»*. Сегодня эти слова обретают видимое выражение, и каждый может понять, о чем идет речь, а с пониманием открывается и возможность сопротивления. И наше сопротивление всем этим разрушительным тенденциям – это возрастание в нашей вере, это верность нашим традициям, это любовь к Отечеству, это забота о его духовном и материальном благе. И откуда будет наше Отечество этим островом свободы, будет и у остального мира некий знак надежды на возможность изменить течение истории и предотвратить глобальный апокалиптический конец – по крайней мере, отодвинуть его в ту перспективу, с которой никто из нас не связывает ни свою жизнь, ни жизнь ближайших наших потомков. И да поможет нам во всем этом Господь.

Из заключительного словом Святейшего Патриарха Кирилла

В «Стратегии национальной безопасности» предпринята попытка описать некую систему ценностей. Прочитав: «традиционные ценности – это жизнь...» С философской точки зрения можно поставить вопрос: жизнь – это производная от деятельности человека или то, что дано Богом? Если дано Богом, то задача человека заключается в том, чтобы жизнь охранять и не разрушать. А творцом жизни является Бог. Ну, в любом случае слово «жизнь» можно включить в перечень ценностей. А вот дальше у нас заимствование из западноевропейской философии: «достоинство, права и свободы человека». Все это хорошо, никто сейчас не отрицает ни права, ни достоинства человека. Но можно ли их ставить сразу после жизни? Ведь должен быть приоритет, причем не только ценностный, но и исторический. Разве до этих гуманистических идей, которые возникли в контексте западноевропейского развития в достаточно позднее время, не было никаких ценностей? А вера? А любовь к Отечеству? А жертвенность, без которой вообще немислима наша история?

Наше благополучие зиждется на жертвах предыдущих поколений, на тех, кто погибал во время войны, защищая Родину, на тех, кто трудился отчаянно в тяжелейших условиях, развивая экономику нашей страны, – ведь и тогда не обошлось без жертв! Мы наслаждаемся благами, полученными благодаря великому подвигу нашего народа. Но ни жертвенность, ни подвиг не присутствуют в перечне ценностей в «Стратегии национальной безопасности» 2021 года. Не отрицай важность достоинства, прав и свобод человека, как же не сказать о любви к Отечеству, о верности, о долге, о жертвенности?

Думаю, эти вечные ценности, которые обусловили и саму жизнь нашего народа, и развитие нашего Отечества, должны быть ясно прописаны в «Стратегии национальной безопасности».

Я упомянул только веру, жертвенность, любовь к Отечеству, но, наверное, найдутся и другие слова, которые адекватно выразят великий исторический подвиг нашего народа, прошедшего через огромные испытания и скорби, связанные и с внешней агрессией, и с внутренними конфликтами. Дай Бог так, чтобы мысли Всемирного русского народного собора входили в политический, духовный, интеллектуальный дискурс, который, несомненно, должен сопровождать дальнейшее развитие нашей страны.

Хотел бы всех вас сердечно поблагодарить и призвать на всех нас, на Отечество наше, на весь наш народ, благословение Божие, которое должно укрепить силы, дать нам способность сохранять то сокровище, которое мы имеем, – наше Отечество, нашу культуру, нашу веру, силу нашего духа. Но, самое главное, в условиях действительно глобальной конвергенции мы должны сохранять способность отстаивать свою самобытность, свою, если хотите, неповторимость, которая сформирована многими поколениями людей, честно, мужественно и жертвенно служивших России, и дай нам Бог быть достойными их преемниками.

Существует два пути реакции на вызовы глобализма.

Первый, с которым невозможно согласиться, заключается в адаптации и подчинении духовной жизни требованиям глобализма, в одобрении и благословении пороков. По этому пути идут наши коллеги на Западе, в том числе называющие себя христианами. Некоторые представители христианских церквей и общин пошли на это с целью избежать критики, чтобы стать «своими» в глобальном, секуляризованном мире. Однако этот соглашательский путь не спасает духовную жизнь от упадка, но лишь ускоряет процесс и, конечно, не спасает такие религиозные организации. Их сметут, как только будет больше сил у тех, кто связывает глобалистский проект с отсутствием всякой религиозности.

Второй путь общественной жизни можно назвать «узким», то есть трудным, тернистым. Он требует открытого свидетельства об Истине, невзирая на давление и негативную реакцию со стороны внешних сил, в том числе глобалистских.

Сегодня вопросы этического выбора приобрели в мире особое звучание: они определяют как вектор движения конкретного человека, так и судьбы целых стран и народов. И от того, насколько твердо мы с вами будем стоять в Истине, насколько мы будем верны заветам своих отцов, преданы непреходящим духовным и нравственным ценностям, которые мы получили, в том числе, через церковную традицию, во многом зависит будущее

XIII ПОКРОВСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЧТЕНИЯ «ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО. ПРАВОСЛАВИЕ»

20 октября 2022 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в конференц-зале гостиницы «Даниловская» состоялось пленарное заседание XIII Покровских общественных чтений «Общество. Государство. Православие» на тему «Патриотическое воспитание – основа духовной безопасности и суверенитета России». Организатор проведения форума – Движение «Россия Православная».

Приветствие участникам Чтений направил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Патриаршее обращение огласил руководитель Управления по работе с общественными организациями Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации протоиерей Димитрий Рошин.

С докладами на чтениях выступили: председатель Попечительского Совета Движения, кандидат социологических наук С.В. Смирнова; вице-президент Академии военных наук, Генеральный инспектор Министерства обороны Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, генерал-полковник В.П. Баранов; кандидат философских наук, доцент кафедры Московского психолого-социального университета Е.В. Чекмасова; доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой военно-политической работы в войсках (силах) военной академии Ракетных войск

гивования Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, майор Д.В. Казаков; кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных социально-экономических и естественно-научных дисциплин РАНХиГС при Президенте РФ, советник-юрист Межрегиональной общественной организации «Ветераны военной контрразведки», Т.М. Челпанова.

По итогам проведения Чтений будет выработана резолюция, а также подготовлен к публикации сборник докладов с рекомендацией его последующего использования в

В работе конференции приняли участие представители исполнительной и законодательной власти Российской Федерации; духовенство Русской Православной Церкви, представители научного сообщества, общественных организаций и объединений, военных учебных заведений, студенческой молодежи, средств массовой информации.

С вступительным словом к участникам Чтений обратились председатель Центрального Совета Движения В.В. Остапчук и председатель Наблюдательного Совета Движения М.М. Иванов, подчеркнувшие особую актуальность повестки в контексте прямо озвученной коллективным западом цели уничтожения Русской цивилизации.

стратегического назначения имени Петра Великого Министерства обороны РФ В.П. Беркут; профессор кафедры туризма Московского государственного университета спорта и туризма, доктор экономических наук, почетный работник высшей школы, действительный академик РАЕН, член союза писателей РФ В.П. Делия; исполнительный директор Московского отделения Российского военно-исторического общества А.А. Подмазю; кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и религиоведения Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, полковник запаса М.М. Курочки; адъюнкт кафедры философии и рели-

как в качестве методического материала для организации работы по патриотическому воспитанию молодежи.

В завершении Чтений председателем Центрального Совета Движения В.В. Остапчук был анонсирован выпуск новой медали «За веру и доблесть».

Как известно, Движение имеет свою стройную систему наградной символики, опирающуюся на твердое основание православной церковно-государственной традиции. За годы служения наградная символика Движения по праву снискала общественное признание.

Сейчас, в годину тяжелых испытаний, Движение пришло к осознанию необходи-

мости учреждения новой медали с названием «За веру и доблесть». Размышляя над эскизом этой награды, Движение решило обратиться к образу монаха-вина преподобного Александра Пересвета – героя Куликовской битвы, который без доспехов в одном монашеском облачении вышел на поединок с богатырем Челубеем и, пожертвовав собой, одержал над ним победу, духовно укрепив тем самым русское воинство. По замыслу авторов настоящая медаль должна символизировать победу Веры, доблести и отваги над страхом смерти и самой смертью.

Отрадно, что эскиз медали одобрен Его Святейшеством Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ВЕРЫ МНЕ НЕ ИНТЕРЕСЕН»

БЕСЕДА ВЛАДИМИРА ЛЕГОЙДЫ С НИКИТОЙ МИХАЛКОВЫМ О ЛЮБВИ К СВОЕЙ ЗЕМНОЙ РОДИНЕ И ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА

ПРАВОСЛАВИЕ КАК ОСНОВА НРАВСТВЕННЫХ УСТОЯХ РОССИИ

– Никита Сергеевич, большинство Ваших фильмов пронизано любовью к старому «бунинскому» быту дворянской усадьбы. В душе зрителя это вызывает сильный эмоциональный отклик, хотя для большинства это, скорее, лишь литературные ассоциации. Ведь большинство из них ходили еще в советскую школу и были воспитаны на романтике «комиссаров в пыльных шлемах», а не на подвигах преподобного Сергия Радонежского и не на образе неугасимой лампадки перед иконой...

– Наверное, для большинства этот отклик действительно в первую очередь связан с литературой. Вместе с тем я глубоко верю, что есть вещи не исчезающие – как бы их ни вытравляли. И мы не в силах этим с легкостью управлять. Можно выжигать веру каленым железом, можно сажать людей в тюрьмы, убивать священников, взрывать храмы. Но история нашей Родины показывает, что Православие как основа нравственных устоев и быта России – как травка сквозь бетон – все равно прорастет. Я вообще считаю, что сегодня Православие – самая молодая религия в мире.

– ???

– Православие сейчас обретает второе дыхание, новую жизнь. Христианство на Западе уже не горячее: оно слишком привычно, слишком традиционно... Там все заканчивается семейным обедом у родителей на Рождество или открыткой на именины. У нас по-другому...

– То есть Вы имеете в виду прежде всего русское Православие?

– Конечно. Притом не только ритуальную часть жизни в храме. Я вообще сейчас говорю о православной культуре как таковой, о православной традиции. Следовательно, это то самое, бунинское. Нельзя представить себе того же Бунина или Шмелева без лампадки, которую Вы упомянули. Она была частью их жизни. А когда эту жизнь стали отнимать и разрушать, она стала основной частью их жизни: их болью, их страстью, их страданием... Пока не было еще опасности истребления, об этой основе многие даже не думали. Как говорила одна из героинь Бунина, «я для тебя как воздух – без него не можешь, но его не замечаешь». И лампадка, пока горела – ее не видели. А вот когда она гасла – это замечали все. Это, наверное, и есть весьма точный образ Православия: пока в силе, оно было как естественное дыхание. Но как только начинались гонения, сразу укреплялась вера, и сразу возрастало стремление вновь возжечь эту лампадку, так как без нее просто нет России. Вот и сегодня она горит с новой силой.

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ВЕРЫ МНЕ ВООООЩЕ НЕ ИНТЕРЕСЕН»

– Вот Вы сказали «православная культура». Некоторые социологи говорят, что православное возрождение связано прежде всего с культурой (культурная идентичность), но не с религией. Что многие наши соотечественники, считающие себя православными, в Бога на самом деле не верят. Вы согласны с этим? Хорошо это или плохо?

– Знаете, не мое дело судить – хорошо или плохо что бы то ни было. Не думаю, что веру можно как-то измерить, что социологически легко заглянуть человеку в душу. Но для меня совершенно очевидно: когда мы говорим о Православии, православной культуре, мы говорим о Церкви и о Христе. Скажу больше: человек без веры мне неинтересен. У меня был такой случай. Я давал пресс-конференцию в Вологде. Напротив меня сидел какой-то сердитый бледный молодой человек, и что бы я ни сказал, он все нервно записывал с таким выражением лица, как будто ему отвратительно все, что я говорю. Когда я процитировал слова Василия Васильевича Розанова о том, что "человек без веры мне вообще не интересен" и что русский человек

без веры превращается в зверя, он был просто возмущен.

После пресс-конференции был какой-то банкет, все выпивали, и этот человек, видимо, тоже. И вот он подходит ко мне с вопросом, действительно ли я считаю, что человек без веры неинтересен. Я сказал, что вполне согласен с Розановым. Тогда он говорит: «Вот смотрите, я не пью, не курю, никогда не изменял своей жене, никого не убивал, никогда не лжесвидетельствовал», – и так далее, в общем, рассказал мне о себе как об очень добропорядочном человеке. – "Но я не хожу в церковь и не верю в Бога. И что, я Вам не интересен?" Я без малейшей паузы сказал: «Абсолютно». «Но почему?» Я отвечаю: «Понимаете, вот если бы мне пришлось сейчас с вами ехать в поезде, то нам с вами даже поговорить не о чем! Вы ведь даже не понимаете, что такое жизнь. Потому что вы свои добродетели возвели в свою заслугу. Но не вы должны это о себе говорить: другие, ваши ближние, должны свидетельствовать о том, кто вы такой. Вы же просто любуетесь собой, тем, какой вы хороший. Мне это не интересно».

Он мне действительно не был интересен – глубинно, сущностно. Понимаете?... Мне кажется, что совершенно бессмысленно бояться разных религий. Нужно бояться объединения безбожников – тех людей, которые убеждены, что именно они и есть хозяева жизни.

НАДНАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ

– Никита Сергеевич, а как быть с таким вопросом: русская культура – это национальная культура, а православное христианство – наднациональная религия («во Христе нет ни эллина, ни иудея»). Как это сочетать?

– Конечно, Православие, даже русское Православие, нельзя связывать только с кровью, только с национальностью. Мы знаем из истории огромное количество примеров, когда татары принимали христианскую веру и служили русским князьям, воевали за Русь и за Россию. И немцы... Здесь, скорее, обратная зависимость. Православие на нашей земле создало особый тип культуры, наше Православие имеет особый вкус, что ли... Это все находится в почти неосознаваемой сфере. Тот же Василий Васильевич Розанов очень точно это чувствовал. Подмигнет один русский человек другому хитрым взглядом – и все понятно. Вот что невозможно с иностранцем. То есть, подмигнуть, конечно,

можно, но не все будет понятно. А точнее, ничего не будет понятно. И дело не в нелюбви к иностранцам, а в том, что эта основа лежит вне рационального сознания; это метафизическая сфера жизни. Хотя, конечно, «загадочной русской душой» много и долго еще будут спекулировать – потому что это очень удобно для того, кто ничего не хочет делать.

И еще одно: Православие, как мне кажется, это единственная религия, которая может примирить степь и лес. Поэтому Господь так управил, что именно Православие стало основополагающей религией России, которая по праву является единственным реальным мостом между Востоком и Западом. Россия с одинаковой легкостью воспринимает и западную культуру, и восточную.

В ОБРЕТЕНИИ ВЕРЫ ОБРЕСТИ СЕБЯ

– Позвольте вернуться к началу нашего разговора. В детстве Вы вместе с будущими зрителями Ваших фильмов ходили в советскую школу с ее «патриотическим воспитанием», Вас учили, что советский человек – это звучит гордо. Вы в то время чувствовали себя патриотом? Если да, то патриотом чего: ушедшей России дома Вашего деда, советской России или какой-то своей России?

– Так сложилось, что я, как ни странно, имел редчайшую возможность не отделять одно от другого. Конечно, здесь сказало воспитание мамы. Мы были воцерковлены с детства. Мама никогда не вступала в партию, всегда ходила в храм, дома висели иконы. К маме домой, к матери, регулярно приходил батюшка. И мой отец в этом смысле был тончайший человек, он никогда не сопротивлялся маме, а просто в этот момент уходил из дома. И когда в ЦК у него спросили: «Ну как так, Вы член ЦК – и к вам, ну какой стыд, поп домой ходит». И папа сказал с присущим ему юмором: «Послушайте, ну что выхотите, моя жена пожилой человек, старше меня на 10 лет. Когда умер Ленин, ей было уже 14 лет. Ну как я могу ее отучить?» Им, конечно, было нечего ответить, кроме: «Ну ладно. Хорошо».

Благодаря маме исповедь и причастие для меня были естественной частью жизни, хотя головой я понимал, что это редчайшее исключение, и был очень осторожен. Помню очень стыдную для меня историю, случившуюся на Пасху, мне было тогда лет двенадцать-тринадцать. В храме ко мне кто-то подошел и тихо на ухо сказал: «Крестимся-то

под пиджачком!». Это была правда. Хотя вместе с тем это было такое чувство почти катакомбного христианства...

Поэтому, несмотря на такую «двойную» жизнь, для меня Православие как таковое, культура исповеди и причастия были органичны. У большинства моих современников подобного опыта не было. И теперь, когда сброшены оковы и люди приходят в храм, многим не так просто обрести себя. Один молодой генерал ФСБ мне признался: «Когда я захожу в костел, буддийский храм или синагогу и чувствую себя там туристом, это нормально, мне большего не надо. Но когда я понимаю, что в православном храме я стою и ничего не знаю, что и здесь я турист, мне тяжело. Но я не могу просто так осенять себя крестным знаменем. Я должен знать, понимать, чувствовать, зачем это делать, но меня не научили. Я ведь служил не Брежневу или Черненко, я служил Родине. Защищал ее так, как я понимал эту защиту». И я понимаю, что это трагедия. Обретение веры для таких людей – весьма мучительный процесс. Но сегодняшний их приход в Церковь – очень серьезное дело. Я убежден, что те, кто пришли и не отступили, кто вопреки возрасту, вопреки всему воспитанию пытаются воспринять и воспринимают истинные ценности русского Православия – это люди, совершившие серьезный подвиг. И это и есть то молодое Православие, о котором я говорил.

– А много сегодня таких? Можем ли мы сегодня ответственно говорить, что в разных социальных группах, в том числе и во власти, есть патриоты, любящие Родину и желающие любить Церковь?

– Очень много. Я могу называть и называть имена. И даже среди тех, кого нередко несправедливо называют «подсвечниками».

– И когда Вы приезжаете, скажем, в Дивеевский монастырь 1 августа и встречаете там немало чиновников, политиков и бизнесменов, Вы думаете, что большинство из них искренне стараются понять и почувствовать радость Литургии?

– Я совершенно убежден в том, что те, кто пришли туда не для того, чтобы повидать губернатора, приезжающего к трапезе, и не для того, чтобы повидать начальство, а прошли крестным ходом или пришли с утра, отстояли службу, чтобы потом приложиться к открытым мошам батюшки Серафима, – даже если они не воцерковлены по глубинному счету, они находятся на пути к этому. И я их путь очень уважаю и ценю.

ВООРУЖЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

– Никита Сергеевич, Вы сняли документальный фильм «Русский выбор» о судьбах Белого движения и русской эмиграции. В одном из интервью после фильма Вы сказали о своих героях: «Глядя на них, понимаешь, какой могла быть Россия». Какой же?

– Я отдаю себе отчет в том, что история в сослагательном наклонении – вещь бессмысленная. Но надо хотя бы знать и понимать, что и почему мы потеряли. И дело, конечно, не в событиях 17-го года, все началось намного раньше.

Провидец Александр Сергеевич Грибоедов сказал про декабристов: «Колесование умов ни в чем не твердых». Потрясающий образ. И потрясающий приговор! Мы ведь с этим имеем дело постоянно. Умы нетвердые – прежде всего не тверды в вере. А от безверия – нигилизм, постоянное расшатывание основ, о котором Столыпин сказал: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия». Россию и разрушили именно потому, что понимали, что может выйти из этой огромной страны с невероятным природным и человеческим потенциалом, укрепленным верой. Единая нация, освященная богоизбранным монархом...

Какой могла бы быть Россия?... Знаете, я понимаю, что сейчас скажу вещи, для либерального демократического сознания вопиющие и старорежимные, но если предста-

вить себе, что не произошло трагедии 17-го года, то — я абсолютно убежден — не было бы Второй мировой войны. Я не знаю, как и куда развивался бы мир, но войны бы не было. Однако революция помешала эволюции. Кстати, если говорить про формулу этой России, то, на мой взгляд, это вооруженная эволюция. Эволюция, которая защищена.

О ЛЮБВИ К РОДИНЕ И СВОБОДЕ

— Политологи говорят, что одной из фундаментальных характеристик русской политической культуры является неразличение Родины и государства. Ваше творчество, публичные выступления создают образ государственника, державника. Для вас любовь к Родине — это любовь к государству Российской Федерации?

— Безусловно. Другой разговор: я не всегда и не все могу любить. Но не государство, а некую часть тех, кто себя считает вправе от его имени выступать. Но это не меняет моего отношения в целом.

Я убежден: Россия — это крест, где вертикаль — власть, а горизонталь — экономика и культура. И тогда возникает та самая гармония — когда то, что хочешь, совпадает с тем, что можешь.

— Еще одной важной установкой русского сознания является образ Родины как земли, территории. А вот, скажем, для американцев, территория намного менее актуальна. Там на первом месте — свобода. В каких отношениях со свободой русский человек?

— В очень плохих, потому что для него свобода — это воля, хотя на самом деле это разные вещи. Парадоксально, но когда у русского человека три галстука, он начинает теряться. Мне не кажется, что это хорошо, но это так. Может быть, это наша беда, но не вина. Вы правильно сказали про землю. Для русского человека, для национального характера география имеет очень большое значение. Бескрайность рождает ощущение свободного открытого дыхания. Бескрайность... Но именно поэтому, к сожалению, русский человек часто свободу принимает за хаос, за дезорганизацию. Реальным духовным и нравственным ограничением для русского человека в этом смысле была Церковь. Русские люди аюкались Евангелием. При всей иерархичности Церкви, реальная внутренняя свобода и равноправие всегда были в храме. Потому что перед алтарем и император, и студент, и калека, и солдат были абсолютно равнозначны.

К сожалению, в России неправильно понимают слово «равенство». Ведь известная триада — «свобода, равенство, братство» — совершенно исключают друг друга понятия. Равенства по определению быть не может и не должно быть. Должно быть равноправие, а дальше — как учился, как крестился, что тебе Бог дал. У нас же нередко представление о равенстве такое: если что-то у тебя есть, а у меня нет — а ну-ка, иди сюда, поделись! Ты учился в институте, корпел над книгами, а я «квасил» под мостом. А потом ты заработал, а я захотел «все взять и поделить»... Это и есть тот страшный перекос, который породил чудовищную путаницу в головах людей, колебания умов, ни в чем не твердых. Именно так трактовалось понятие равенства большевиками. Именно отсюда берет начало зависть, перемешанная с презрением к успешному, обеспеченному; именно поэтому так слабо защищена у нас любая частная собственность, включая интеллектуальную.

«НЕ СПРАШИВАЙ БОГА: «ЗА ЧТО?»»

— Юз Алешковский как-то сказал: «Свобода — это абсолютное доверие Богу». Не вера, а доверие. «В руке Твоей, Господи Боже мой, предаю дух мой», — вот это самая большая ступень свободы.

— Вера и доверие — это разные вещи?

— Это разные вещи. Доверие, когда ты на все говоришь Господу: «Да будет воля Твоя», — потрясающе соединяется с великим словом надежда. Ты говоришь Ему: «Бери, я весь Твой». Вспомните замечательную молитву на каждый день святителя Филарета Московского: Господи! Не знаю, что мне просить у Тебя. Ты Един ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче! Дай рабу Твоему чего сам я просить не смею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения: только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе от-

верзто; Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей... Вот и все.

— Но это тяжело, так довериться. Вам ведь иногда такое прилетает... Как это принимать? Не было у Вас когда-нибудь такого внутреннего роптания: «вот, я же доверился, а Ты...»?

— Никогда. И не дай Бог! Мама нас всегда учила: никогда не спрашивай Бога: «За что?», спрашивай: «Зачем?» Даже, например, в самые тяжелые моменты отношений с братом, когда нас хотели посорить, когда он говорил про меня довольно жесткие и порой несправедливые вещи, и меня провоцировали на ответ, я говорил: «Он может ошибаться. И говоря это, я знаю, что мой брат хочет мне добра. Бог его знает, может он и прав, может оно так и есть».

СПАСИ РЯДОВОГО ИВАНОВА

— Если продолжить американскую тему... В свое время Вы отмечали фильм «Спаси рядового Райана». По крайней мере говорили, что это патриотическое кино, что американцы нас опережают...

— Я не так говорил. Я ставил вопрос: «Что бы со мной сделала сегодняшняя либеральная критика, если бы я снял картину «Спаси солдата Иванова?»» О том, как маршал Жуков отправляет на фронт спецотряд для того, чтобы с фронта взяли солдата Иванова, потому что он последний сын у матери в деревне Ирхино Кубинского района Вологодской губернии. И отпускали его домой с фронта, потому что матушка осталась одна. Что бы со мной сделала?

— Сказали бы, что державник Михалков все это придумал...

— Да они бы просто истолкли меня в муку! Почему? Потому что самое большое сопротивление всему тому, что является реальным уважением и любовью к своему Отечеству, мы получаем именно внутри своего Отечества! А «Спаси рядового Райана» — это совершенно патриотическая картина, которая рассказывает миру о том, как американцы выиграли Вторую мировую войну. И мир в это верит.

— Чем отличаются американская и российская патриотические картины?

— У них совершенно другой зритель. Голливуд создал Америку. По улицам Штатов ходят шерифы, которые как две капли воды похожи на персонажей, созданных кино — не наоборот. В этом заключается, при всей близости, наша совершенная противоположность. Американский зритель легко верит в то, что ему показывают.

И самое потрясающее, то, чему я завидую: ни одна мировая картина самого высокого качества, сделанная вне Америки, не может пользоваться в Штатах таким успехом, каким пользуются картины, сделанные самими американцами для американцев. Вот о чем я мечтаю. Слава Богу, сегодня наш зритель начинает возвращаться к своим фильмам.

— Каким должно быть современное патриотическое кино? Насколько оно нужно?

— Я считаю, что патриотическое кино — это то кино, в котором патриотизм существу-

ет в капиллярах, а не в лозунгах, не в словах. Когда он (патриотизм) в сущности глубок, а не показушен и лицемерен.

— Как в «Калине красной», например...

— Конечно. «Калина красная» — это потрясающе патриотическое кино. Совершенно правильно. Хотя, казалось бы, все наоборот... Любовь к Родине, вообще любовь в России — это ведь состояние души. А его нельзя симулировать. Чувство Родины — это маленький рассказ Бунина «Солнечный удар», хотя это любовная история одной ночи, или «Жизнь Арсеньева», или произведения Шмелева — это то, что разлито в воздухе, это любовь, которая не требует формулирования. Когда я еду верхом по полям берегом Оки, у меня возникает желание спеть все молитвы, которые знаю. Я же это делаю не для кого-то. Как это объяснить? Что это такое? Возможно ли это в Испании — мне? Бог его знает — едва ли. Вроде поле такое же... И лошадь такая же... Но, как говорил мой дед Кончаловский: «Важно, чтобы был положен верный цвет на верное место».

ПОД КУПОЛОМ ХРАМА

— Вы не раз говорили, что чувствуете себя в провинции больше своим, чем в Москве. А что изменилось со времен пушкинского «Москва, Москва, люблю тебя как сын...» и Цветаевского «Москва — какой огромный странноприимный дом! Всяк на земле бездомный — мы все к тебе придем?»

— Я Москву бесконечно любил и люблю. Вот сегодня ехал и радовался: какой потрясающий город! Дело не в этом. Как вам сказать? Вот недавно мы возвращались из Нижнего Новгорода. Ночь. Поздно. И мы проезжаем Печорский монастырь. Я говорю: «Давай, заедем!». Время — одиннадцать часов вечера. Как Вы знаете, с заходом солнца любой православный монастырь закрывается. Мы туда приехали. Постучали. Я назвал и попросил открыть. И нас пустили. Незнакомый мне отец игумен дал нам возможность приложиться к открытым мощам — главе преподобного Макария Желтоводского. И потом мы уехали... С этим

раздражать, мешать или давать ощущение твоей ущербности в социуме городской жизни. Когда ты понимаешь, что эти люди, которые никак от тебя не зависят и никак с тобой внешне не связаны, проявляют такое доверие... Ночью открыть монастырь! Сами понимаете, это очень много...

Я не люблю не Москву, но московскую тусовку, которая проводит жизнь внутри Кольца. Но когда ты испытываешь то, что испытал я в этом Печорском монастыре, то все это вообще перестает иметь какое бы то ни было значение. И это не сентиментальность, это и есть то самое глубинное состояние души, которое называется русской любовью. Это то, что каждое воскресенье объединяется Литургией, что под куполом единого храма — духовного купола нации. То, что называется семья — в общенациональном понимании.

— Я недавно говорил с одной знакомой — как раз про Дивеево. Она — человек очень искренне пытающийся, как мне кажется, осмысленно войти в Церковь. Она очень любит Дивеево, но не может примириться с тем, что есть просто прихожане, а есть гости, которые стоят на службе на клиросе, отдельно. Вы бы что ей ответили?

— Я бы знаете что ей ответил? В храме, голубушка, не оглядывайся по сторонам! Ты не для того сюда пришла. Ты пришла смотреть, кто где стоит? Тогда не говори о том, что хочешь постичь суть воцерковления. Пришла в храм — занимайся тем, ради чего ты пришла. Тогда эти вопросы вообще не будут возникать. Какая разница, где стоять в храме? Это важно для людей, которые приходят в храм к трапезе или повидать начальство. Одесную или нет от начальника, и как тебя показали по телевизору — видели тебя стоящим рядом с ним или не видели. Это вообще все о другом.

— Мы с Вами говорим сейчас о Православии как основе русского патриотизма. А неправославный человек может быть русским патриотом? Скажем, мусульманин?

— Этот вопрос я для себя решил лет десять назад. Мы были в Нижегородской губернии, в регионе, где живут татары, на празднике Сабантуй. Мне предложили показать мечеть. Кругом поля, березовая роща, река Волга... Поднялись на минарет. Я говорю: «А давно мечеть стоит?» — «Семь лет». — «А люди, которые исповедуют ислам, тут давно живут?» — «Восемьсот лет». И мне стало все ясно: эти люди будут вот этот мой русский пейзаж защищать с автоматом так же, как я.

— Поколение, выросшее после 1991 года, принципиально отличается от всех предыдущих: оно гораздо меньше «вкоренено» в российскую историю. И попытки патриотического воспитания часто приводят не к любви, а к ненависти: одни из чувства юношеского протеста начинают ненавидеть все русское, начиная с классической русской литературы, другие — всех «нерусских». Но ведь именно они определяют будущее России. Насколько серьезна, на Ваш взгляд, сегодняшняя проблема отцов и детей? Что можно сделать (и можно ли?), чтобы традиционный водораздел между «отцами и детьми» не стал фатальным, чтобы он не разорвал вновь тысячелетнюю российскую историю и культуру?

— Настоящих, истинных вопросов очень мало. Жизнь, смерть, любовь, голод, болезни, детство, старость. Рано или поздно в жизни каждого возникают такие вопросы... Толстой сказал: «Бытие только тогда и есть бытие, когда ему грозит небытие». К сожалению, для России только испытания становятся поводом для объединения нации в единое целое. Но всем все равно придется отвечать на главные вопросы.

Другое дело, что неверующие люди просто лишены иммунитета, плохо защищены. Потому что вера как таковая — это огромная защита. Дело, конечно, не в том, что ты попросил — и Он тебе даст. Нет. Но когда у тебя есть внутреннее ощущение, что ты находишься под сенью веры, которая была основополагающей силой жизни и духа для сотен поколений, живущих и живших на этой земле, тебе это должно давать энергию.

И я свято верю, что любой человек, пытающийся понять, кто он и откуда, неизбежно придет к вере. Ведь на вопрос «как жить?» ты можешь получить ответ, только задав себе вопрос «зачем?». Не раньше. Поэтому росток веры все равно пробьется сквозь бетон неверия. Я в этом убежден.

Источник: foma.ru

«ПРОЩАНИЯ С РОССИЕЙ НЕ БУДЕТ»

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВИЧА РАСПУТИНА

О СУДЬБАХ РОССИИ И РУССКОГО НАРОДА НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ

О РАЗВАЛЕ РОССИИ

Не разваливать надо было Союз по планам американских специалистов-советологов, с голоса которых действовали отечественные расчленители, заходясь в требовательной истерике, а держаться вместе, отпустив на волю вольную, разумеется, тех, кто свою совместную жизнь с Россией считал невозможной. Держаться вместе до тех пор, пока произойдет общественное отрезвление, поскольку в горячке да во взаимных обличениях разумного решения быть не может. А там – как будет соизволение Божье и народное. Но именно отрезвления-то и боялись. Вообще вся перестройка творилась в неимоверной спешке, горячке, в возбуждении и опьянении, в мстительной запальчивости и угаре, как будто дело касалось не великого государства, имеющего тысячелетнюю историю, а умыкнутого с чужого воя достояния. В том, как происходил раздел, было что-то разбойничье, воровское, неприличное – скорей, скорей, чтобы не спохватились и не вернулись к месту преступления.

Что выиграла от раздела Россия? Потеряла свои исторические земли, оставила «за границей» как заложников десятки миллионов русских, обратила дружеские чувства в ненависть к себе, разбила великое множество судеб и вдобавок еще выплачивает контрибуции, как потерпевшая поражение в войне.

Нельзя допустить дальнейшего развала России. Пока не будет правительства, защищающего национальные интересы России, надежды невелики. Пока не придут к власти государственники, подобные Столыпину, и приоритеты собственного народа не возобладают над приоритетами чужих корыстных замыслов, ничего хорошего ждать нельзя.

О ПОДЛИННОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Патриотизм – это не только постоянное ощущение неизменной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед нею, рвание за ее духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любим ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Человек, имеющий в сердце своем Родину, не запутается, не опустится, не озверевает, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Родина – это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет – все ненавидит и все готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живем же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне ее эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня ее судьба вручена нам – будем же ее достойны.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это – правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую, силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это – покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой «культуры», создать порядок, который бы шел по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Вопрос: что лучше для народной нравственности – атеистическое государство, предлагающее под своей вывеской евангельские заповеди, или государство неограниченных свобод, где не утесняется вера, но махровым цветом расцветает

ло зло, направленное как против веры, так и вообще против нравственности?

Церковь освобождена от теснений, но отдана на растерзание всем, кому она мешает. Православие стараются расколлоть, растлить и обезобразить с помощью «свобод». Этим и сейчас занимаются вовсю, против него еще больше будут стянуты все воинствующие силы.

В грязном мире, который представляет из себя сегодня Россия, сохранить в чистоте и святости нашу веру чрезвычайно трудно. Нет такого монастыря, нет такого заповедника, где бы можно было отгородиться от «мира». Но у русского человека не остается больше другой опоры, возле которой он мог бы укрепиться духом и очиститься от скверны, кроме Православия. Все остальное у него отняли или он промотал. Не дай Бог сдать это последнее. Помните, у Василия Шукшина: «Народ весь разобрался». Но тогда он еще не «разобрался». У Шукшина это было предчувствие возможного, а теперь уберечь или даже ослабить духовную связующую силу – и все, больше связаться нечем.

ОБ УБИТЫХ ЖИВЫМИ

Этот век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие достались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни Смута XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX веке идти не могут.

Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека – в вере, идеалах, нравственном духовном прямохождении.

Исключительно страшен психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия – отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей – от ничего, под тоскливый вой души.

КАК СЕЙЧАС ПОДНЯТЬ РУССКИЙ НАРОД?

Мы не знаем, что происходит с народом, сейчас это самая неизвестная величина. Албанский народ или иракский нам понятнее, чем свой. То мы заклинательно окликаем его с надеждой: народ, народ... народ не позволит, народ не стерпит... То набрасываемся с упреками, ибо и позволяет, и терпит, и договариваемся до того, что народа уже и не существует, выродился, спился, превратился в безвольное, ни на что не способное существо.

Вот это сейчас опаснее всего – клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того беспрепятственно шельмуют и оскорбляют в течение двадцати лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него все как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нем воодушевлению, воле, сплоченности, если только и знают, что обижают его и физически, и мораль-

но. Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он – коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением формировавшихся веков.

Достоевским замечено: «Не люби ты меня, а полюби ты мое», – вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему». Вот эта жизнь в «своем», эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная «кутварь» национального бытия и есть мерило народа.

Так что осторожнее с обвинениями народу – они могут звучать не по адресу.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, – купилось; все, что могло предаваться, – предало; все, что могло согласиться на красиво-уничижительную и удало-развратительную жизнь, – согласилось; все, что могло пресмыкаться, – пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст. Ее, эту коренную породу, я называю «второй» Россией, в отличие от «первой», принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами – поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними – одно только «Поле чудес».

ЕСТЬ ЛИ У НАС ПЕРСПЕКТИВЫ?

Боюсь, года через два-три, ежели ничего не изменится, и волынка с властью, которая служит чужим интересам, будет продолжаться, то Россию силой заставят принять капиталистические «завоевания», а они к тому времени станут еще разительнее и свирепее. С Россией уже сейчас не считаются, и чем дальше, тем меньше будут считаться. Государство, сознательно убивающее самое себя, – такого в мире еще не бывало. На нее, слабеющую все больше и больше, уже завелены свои планы, свои расчеты, и потерять Россию как своего вассала, потерять ее с возвращением в самостоятельную и самодостаточную величину не захотят.

Вот мы с вами говорим, а я все думаю: для чего говорим, кого и в чем хотим убедить? Экономисты считают, что с той экономикой, которая у нас осталась, Россия уже не должна жить, и если она худо-бедно живет, то только за счет того, что проматывает наследство предыдущих поколений и расхищает наследство, которое необходимо оставить поколениям будущим. Россию обдирают как липку и «свои», и чужие – и конца этому не видно. Для Запада «разработка» России – это дар небес, неслыханное везенье, Запад теперь может подерживать свой высокий уровень жизни еще несколько десятилетий. Ну, а домашние воры, полчищами народившиеся из каких-то загадочных личинок, тащат буквально все, до чего дотягиваются руки, и тащить за кусок хлеба им помогают все слои населения.

Повалили Отечество и, как хищники, набросились на него – картина отвратительная, невиданная!

Двадцать лет назад мировое государство с единым правительством, единой экономикой и единой верой могло еще считаться химерой. После крушения СССР и прихода в России к власти демократической шпаны, с восторгом докладывавшей американскому президенту об успехах разрушения, мир в несколько лет продвинулся в своих мондиалистских усилиях дальше, чем за многие предыдущие столетия. Пал бастион, которым держались национальное разнообразие и самобытные судьбы. После открытия Америки и устройства там могучего космополитического государства прорыв в Россию стал главным событием второй половины прошлого столетия. Это слишком важная победа, чтобы ее захотели отдать обратно. Сейчас Запад еще прислушивается: что происходит в недрах нашей страны? – а через два-три года с нами начнут поступать так же, как с Ираком и Фолклендскими островами.

Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится все больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого еще не бывало, но может быть.

Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако легкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок...